

ЗАЩИТНИКИ И СОЗИДАТЕЛИ
РОССИИ

РУССКИЕ

ВИТЯЗИ

Николай Шахмагонов

Светлейший князь

и Потемкин Екатерина Великая

*в любви, супружестве,
государственной деятельности*

**Николай Федорович Шахмагонов
Светлейший Князь Потёмкин
и Екатерина Великая
в любви, супружестве,
государственной деятельности
Серия «Русские витязи:
защитники и создатели России»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65072486

*Светлейший Князь Потёмкин и Екатерина Великая в любви,
супружестве, государственной деятельности/ Шахмагонов Н. Ф.:*

ЮниВестМедиа; Москва; 2008

ISBN 978-5-903828-02-9

Аннотация

Кто они, Светлейший Князь Потёмкин и Императрица Екатерина Великая, при которых Россия расправила свои могучие крылья? Адмирал Павел Чичагов писал: «Гений Потёмкина царил над всеми частями Русской политики», а канцлер Безбородко говорил, что при Матушке-Государыне ни одна пушка в Европе не смела пальнуть без её ведома. Сама же Екатерина Алексеевна заявляла: «Россия велика сама по себе, и что я ни делаю, подобно

капле, падающей в море». Но за неё свидетельствовали деяния её – расширение пределов Российской Империи, присоединение Крыма, великие победы на суше и на море – всё содеянное вместе с Потёмкиным, любимым супругом и соправителем.

Автор показывает Государыню у Державного руля и в жизни – брак по неволе и признание: «Если бы я смолоду имела мужа, которого любить могла, я бы вечно к нему не переменилась». А затем рождение сына от камергера Салтыкова и разлука с любимым, отношения с Орловым и, наконец, венчание с Потёмкиным, которого она полюбила безраздельно и которому говорила: «Я без тебя, как без рук!». В этом залог необыкновенных успехов в государственном строительстве, в политике, дипломатии, в победоносных войнах, о чём повествуется в книге.

Содержание

Выбор	5
Из Российской глубинки	11
Невеста наследника престола	33
«Пётр будет твоим супругом...»	39
Красавица Императрица	44
Жалкий Великий Князь	50
София становится Екатериной	54
Торжественно-печальная свадьба	61
«Богатые тоже плачут»	67
Первая любовь Екатерины	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Николай Шахмагонов
Светлейший Князь
Потёмкин и Екатерина
Великая в любви,
супружестве,
государственной
деятельности**

**Выбор
(Вместо предисловия)**

В ужасе застыла Европа, потрясенная громом Кагула и Чесмы, ошеломлённая славными победами екатерининских генералов и адмиралов, обессмертивших свои имена и имя своей великой Государыни. В страхе и отчаянии бежали повсюду от русских витязей янычары и спаги, цепные псы антирусской политики Запада.

В отчаянии ждала Европа того часа, когда русские флаги взвоятся над освобождённым Константинополем, а Право-

славные кресты воссияют над Святой Софией Константинопольской, когда утвердятся на Чёрном и Средиземном морях победоносные екатерининские эскадры.

В конвульсиях бились политики и дипломаты Запада, пытаясь отыскать способ остановить победное шествие войск графа Задунайского и славный рейд эскадр Алексея Орлова-Чесменского, понимая, что в открытых, честных боях сделать это невозможно. Впрочем, свойственна ли вообще когда-либо была честность европейским политикам? Уж в чём, в чём, а в низости и коварстве они оставались непревзойдёнными во все времена.

Вспомним тяжелейшую эпоху нашествия диких орд Востока, когда Русская Земля спасла Европу от леденящего душу погрома. Как окрыляли и радовали европейских правителей и отцов католической церкви беды, свалившиеся на Русский народ, как злорадствовали они при известиях о поражении Русских князей на Калке и Сити, приведшие к жесточайшему нашествию орды! Пепелища городов и безмерное горе людское стали последствиями этой агрессии.

Тут же зашевелились шведские и тевтонские крестоносцы, благословлённые папой римским на крестовые походы, несущие ещё большую жестокость, нежели набеги татарские.

Но Русь оправилась от ударов, разогнала грозные тучи, напалзавшие из Европы, а затем сбросила иго диких ордынцев. Мужала и крепла она год от года, уверенно шествуя от Княжеств к Царству, от Царства к Империи, с боями возвра-

щая отнятые у неё земли и восстанавливая законные границы.

Запад всё это время старался противодействовать успехам России, причём, как правило, чужими руками. Орудием его политики была Османская империя, которая бросалась на Русь всякий раз, когда того требовали Западные её подстрекатели.

Но никогда прежде не давала столь сильного сбоя, послушная их замыслам военная машина, никогда не терпела Порты столь сильных и сокрушительных поражений, как в ту первую в царствование Екатерины Великой турецкую войну, наименованную историками войною «Румянцевской».

И Запад снова нашёл характерный для его политики выход. Скрытно и коварно подготовил удар в спину. Европа была уже искушена в подобном коварстве. Вспомним так называемую крестьянскую войну под предводительством агента римской католической церкви, воспитанника венецианской военной школы, изменника и бандита Ивана Болотникова.

Теперь европейским заправилам удалось найти предателя в самой патриотической части русского народа, в среде казачества. Им стал дезертир и конокрад Емелька Пугачёв. С его помощью удалось разжечь пожар новой «крестьянской» войны, нанести удар в спину России и помешать победоносному шествию войск Румянцева за Дунай.

Удар был направлен против ярко сиявшего Российского Солнца – так назвал Государыню Алексей Семёнович

Шишков – против Екатерины Великой, украшающей славными делами своими столь зыбкий ещё престол Русский Царей. Зыбкий, потому, что лишь сравнительно недавно вышла Россия из страшной и гибельной для неё эпохи дворцовых переворотов, когда, по отзывам историков, гвардейцы «считали безделицею произвести перемену на престоле».

И прежде, до Емельки Пугачёва, не раз «воскресал» Пётр III в умах проходимцев и авантюристов, не раз рождались планы по возведению на трон самозванцев и самозванок.

Увы, легковерен русский народ, легко изгонял он одних правителей и сажал себе на шею других, певших сладкие песни, но оказывавшихся час от часу ещё более жестокими. Каких только книг не начитались мы в своё время о подобных мятежах. Бандиты и преступники именовались в них «нашими великими предками», сражавшимися за счастье «униженных и оскорблённых». Особое внимание обычно уделялось самому опаснейшему из самозванцев Емельке Пугачеву, и никого не интересовало, каким образом и с чьей помощью сумел сей «великий предок» – воришка и конокрад – достичь несомненных успехов в организации одного из самых мощных выступлений против российского правительства, до основания потрясшего всю Империю.

В те тяжелые дни, когда пожар крестьянской войны захлестнул центральные районы России, Императрица Екатерина Вторая писала новгородскому губернатору Я. И. Сивер-

су: «Два года назад у меня в сердце Империи была чума. Теперь у меня на границах Казанского царства политическая чума, с которой справиться нелегко...».

Государыня Российская не преувеличивала опасности. К концу декабря 1773 года у Пугачёва была армия, по численности равная армии фельдмаршала Румянцева, сражавшейся с турками на Дунае. И силы мятежников увеличивались по мере продвижения вглубь Империи.

Между тем ещё не всё устоялось в государственном управлении, государственную власть разрывали на части различные придворные группировки. Известный исследователь екатерининского времени Вячеслав Сергеевич Лопатин так описывает сложившуюся в столице обстановку: «Не раз выходящая из трудных положений Екатерина ищет опору. Ей нужен сильный человек, державный муж, соправитель. И она делает выбор: Потёмкин. Сам Орлов хвалил его. На него указывал Румянцев. Против Потёмкина ничего не имел Панин. Ведь генерал давно в армии и не примыкает ни к одной из придворных группировок. Наконец (и это очень важно) подруга Императрицы графиня Прасковья Александровна Брюс (родная сестра П. А. Румянцева. – Н. Ш.), которой Екатерина поверяла свои сердечные тайны, успела шепнуть о том, что Потёмкин давно и страстно любит одну женщину. Эта женщина – Екатерина».

И Государыня пишет генерал-поручику Потёмкину письмо, которому суждено перевернуть всю его судьбу – возне-

сти на необычайные высоты власти и славы...

Так кто же он, Григорий Александрович Потёмкин?

Виссарион Белинский писал о нём: «Много величавых образов украшает блестящий век Екатерины, но Потёмкин всех их заслоняет своею колоссальною фигурой. Его и теперь всё также не понимают, как не понимали тогда: видят счастливого временщика, сына случая, гордого вельможу, – и не видят сына судьбы, великого человека, умом завоевавшего себе безмерное счастье, а гением доказавшего свои права на него. Потёмкин – это одна из тех титанических натур, которых душа пожирается ничем не удовлетворяемою жаждою деятельности, – для которых перестать действовать значит перестать жить, – которым, завоевав землю, надо делать высадку на луну или умереть... В самих его странностях было что-то таинственное, и все смотрели на него со страхом и любопытством».

Так кто же он и как протекала его жизнь до этого удивительного часа, когда на него обратила свой взор Государыня?

Говорят, у великих людей есть какое-то предчувствие места и времени свершения, по крайней мере, выбора своего великого дела. Это предчувствие озарило Императрицу, и именно она сделала за Потёмкина великий в его жизни выбор...

Из Российской глубинки

М. М. Сперанский, вошедший в историю как составитель 45-томного Полного собрания законов Российской Империи и 15-томного Свода законов Российской Империи, однажды сказал: «За всё восемнадцатое столетие в России было четыре гения: Меншиков, Потёмкин, Суворов и Безбородко...».

Заметим, что трое из упомянутых Державных мужей были современниками и сподвижниками Императрицы Екатерины Великой. Период её правления, справедливо названный «золотым екатерининским веком», оказался на редкость богатым талантливыми военными и государственными деятелями, замечательными учёными и искусными дипломатами.

В своей деятельности Императрица опиралась, прежде всего, на природных русских, отыскивая и выдвигая людей высоких достоинств. Прусский посланник Сольмс с тревогой докладывал Фридриху II: «Все войны Екатерины II ведутся русским умом». Это означало, что минули времена, когда государственные учреждения и военное ведомство возглавляли иноземные наёмники, о которых позднее, когда эти времена воротились, очень метко отозвался князь Пётр Иванович Багратион: «Они всегда многим служат».

Оговоримся сразу, Екатерина выдвигала и призывала к государственной деятельности не только природных русских, но и представителей всех многочисленных националь-

ностей, населявших великие просторы России и традиционно считавшихся россиянами. Но она, прусская принцесса по рождению, и, наверное, самая в то время русская по взглядам, помыслам и по душе, предпочтение отдавала всё же именно русской нации, заявляя, что «Бог дал русским особое свойство...».

Русским умом в период правления Екатерины II велись не только войны, русским умом осуществлялись вся внутренняя и внешняя политика государства Российского, изрядно расшатанного в годы царствования ближайших преемников Петра I, как правило, опиравшихся на иностранцев. Благодаря привлечению к разносторонней государственной и военной деятельности наиболее способных выходцев из российской глубинки, Екатерине II удалось поднять на небывалую прежде высоту науку, литературу, скульптуру, живопись. Императрица не уставала повторять: «Крупные и решительные успехи достигаются только дружными усилиями всех, а, кто умнее, тому и книги в руки».

Григорию Александровичу Потёмкину, происходившему из русской дворянской семьи, из российской глубинки, как раз и были «книги в руки». В далёком прошлом, когда русские умы владели Русью, его род был знаменит.

В одной из грамот Царя Иоанна Васильевича Грозного значится: «Се аз Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич всеа Руси пождаловали есми Ивана Тарасьева сына Потёмкина за ево многие службы селом Воротышиным з деревня-

ми к старым его вотчинам... Писано на Москве, лета 7069 (то есть в 1561 году. – Н. Ш.) марта в 19 день». А вот Юрий Фёдорович Потёмкин, внук Ивана Тарасьева, отличился уже с смутное время, о чём свидетельствует царская грамота 1610 года: «Он, будучи в нас в Московском Государстве в смутное, прискорбное время, за веру христианскую, и за святыя Божия церкви, и за нас, и за всех православных христиан против врагов наших польских и литовских людей и русских воров... стоял крепко и мужественно и многое дородство и храбровство и кровопролитие службы показал, и голод и наготу и во всём оскудение и нужду осадную терпел многое время... И от тое их великие службы и терпения польские и литовские люди и русские вору от Москвы отошли».

Ещё об одном из предков, истинном русском витязе, в «Сборнике биографий кавалергардов» сказано, что из Потёмкиных наиболее известен «стольник, позднее думный дворянин и окольный Пётр Иванович, ездивший в 1668–1681 годах русским послом в Мадрид, Париж, Лондон и Копенгаген. Он оставил по себе память в Западной Европе своею упрямою настойчивостью в «почитании» царского величества: он заставил французского короля Людовика XIV снимать шляпу при всяком упоминании царского титула; на аудиенции у датского короля Потёмкин не согласился ни стоять, ни сидеть перед большим королём, лежавшим на диване, и ему был принесён особый диван, лежа на котором, он вёл переговоры с королём. Англичане высоко ценили дело-

витость Петра Ивановича, подписавшего русско-английский торговый договор, и во время пребывания его в Лондоне был написан портрет русского посла, долго находившийся в Виндзорском дворце...».

Во время посольства в Испанию подручным у Петра Ивановича был дьяк Семён Румянцев, предок великого русского полководца Петра Александровича Румянцева, столь много доброго сделавшего для Григория Александровича Потёмкина, особенно в первую его военную кампанию. Кстати, Пётр Иванович Потёмкин, искусный дипломат, был и искусным полководцем. Он одержал ряд блестящих побед над поляками, турками и другими недругами России.

Но в начале XVIII века всё смешалось в стране, поднятой на дыбу Петром I. В Россию хлынули «на ловлю счастья и чинов» иноземцы, которые, по образному выражению В. О. Ключевского, «посыпались... точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались во все доходные места в управлении». И славная фамилия Потёмкиных, подобно многим другим, оказалась в тени, на задворках, как и всё русское...

Отец Григория Александровича не достиг высоких чинов, хотя участвовал в нескольких войнах и имел ранения. По рассказам современников, Александр Васильевич Потёмкин был человеком гордым, твёрдым и смелым. Когда появилась возможность уйти в отставку по болезни, он не пожелал заискивать перед чиновником, которого знал по прежней служ-

бе далеко не с лучшей стороны. Чиновник этот, бывший унтер-офицер роты, которой он командовал, заседал в Военной коллегии, и от него зависела судьба Александра Васильевича. Узнав мошенника, Потёмкин воскликнул: «Как? И он будет меня свидетельствовать! Я этого не перенесу и останусь в службе, как ни тяжки мои раны».

После этого он прослужил еще два года. О семье известно немногое.

Первая супруга Александра Васильевича Потёмкина Марина Ивановна не могла иметь детей, а потому, скорее всего, постриглась в монастырь. Вскоре Александр Васильевич женился на Дарье Васильевне Скуратовой, овдовевшей в 1724 году. Племянник Григория Александровича Потёмкина, сын родной сестры Марьи, в своих воспоминаниях указал: «У Князя Потёмкина родных братьев не было, но имел пять сестёр: 1-я старшая его сестра Марья Александровна выдана была в замужество за дворянина Николая Борисовича Самойлова, служившего в армии капитаном... 2-я сестра Марфа Александровна была в замужестве за дворянином Василием Энгельгардтом... 3-я... Пелагея Александровна в замужестве за Высоцким. 4-я... Надежда Александровна скончалась девицею. 5-я, меньшая, Дарья была замужем за дворянином Лихачёвым».

Мать Григория Александровича, Дарья Васильевна была хорошо воспитана, умна, необыкновенно красива – именно её красоту унаследовал Потёмкин – и после возвышения сы-

на стала статс-дамой при дворе.

Родился Григорий Александрович 13 сентября 1739 года в родовом селе Чижове Духовщинского уезда Смоленской губернии. Отец, поклонник всего русского, отдал его на учебу сельскому дьячку Семену Карцеву. Там и получил первоначальное образование будущий генерал-фельдмаршал. Александр Васильевич не следовал глупой моде и не приглашал для сына французских учителей, что спасло Григория, как заметил один из биографов, от «наполнения головы сведениями в духе наносной просветительской философии». Это оградило и от общения с неучами, невеждами и бандитами, из коих в то время состояла иноземная публика, подгрызавшая и подтачивавшая ещё в недалеком допетровском прошлом здоровый организм России.

В книге русского историка А. Н. Фатеева «Потёмкин-Таврический», изданной Русским Научно-исследовательским Объединением в Праге в 1945 году, приводится такой весьма характерный для того времени пример: «Французский посланник при Елизавете Лопиталь и кавалер его посольства Мессельер, оставивший записки, были поражены французами, встреченными в России в роли воспитателей юношества. Это были большей частью люди, хорошо известные парижской полиции. «Зараза для севера», как он выражается. Беглецы, банкроты, развратники... Этими соотечественниками члены посольства так были удивлены и огорчены, что посол предупредил о том русскую полицию и предложил, по

расследовании, выслать их морем». Не попал на обучение к подобным жуликам Потёмкин и позже, когда его отвезли в Москву к двоюродному брату отца Григорию Матвеевичу Кисловскому для продолжения образования. Кисловский был в ту пору президентом Камер-коллегии. К нему же после смерти мужа перебралась с дочерьми и Дарья Васильевна.

Но в те давние времена село Чижово Смоленской губернии не было забыто. Существует предание, что в 1781 году туда заглянула, возвращаясь из путешествия по Белоруссии, Императрица Екатерина II. Придание это было озвучено известным мемуаристом XIX века Сергеем Николаевичем Глинкой. Он рассказал: «Если кому из читателей моих доведётся проезжать село Чижово, то он увидит беседку, и скромный бюст Князя Таврического, работы домодельной, и стакан, в который Екатерина почерпнула воду, и лист в рамке за стеклом, свидетельствующий о бытности тут Императрицы... На возвратном пути из Белорусского края Екатерина II, 4 июня 1781 года, из стен Смоленска отправилась в село Чижово... В эту поездку пригласила она с собой Румянцева-Задунайского; и мы увидим, что не без намерения. Карета Императрицы остановилась у ворот скромного дома. Румянцев окинул его быстрым взглядом. Заметя удивление на его лице, Екатерина сказала: «Князь Потёмкин устраивал Херсонскую пристань, завистники его разглашали, что он из выданных ему миллионов выстроил какие-то великолепные дворцы на родине своей, а вот его дворец». Румянцев отвечал:

«Молва, как морская волна, пошумит и исчезнет, если огорчаться всеми слухами, то придётся сидеть сиднем; но и тут не уйдёшь от пересудов; одни дела оправдывают нас». Екатерина прибавила: «Я ушенадувателей не любила и не люблю. Клеветали на расточительность князя; неправда и то, что будто бы он писал мне, что не хочет и не может служить с Вами; он всегда уважал Вас».

Впрочем, всё это было далеко впереди. А пока же мы коснёмся того времени, когда Потёмкин ещё только начинал свой путь по жизни, ещё искал своё предназначение в жизни.

Сначала Григория вместе с сыном Кисловского Сергеем учили приходящие учителя, подобранные Григорием Матвеевичем со всею тщательностью. Позднее пришлось все-таки выбрать учебное заведение из числа открытых иноземцами. Но и тут Кисловский сумел найти пансион, директором которого состоял некий Литке, отличавшийся религиозностью и честностью. Впрочем, по отзывам современников, семья дяди была столь далека от иноземного влияния и почитания всего заграничного, что тот нисколько не опасался «денационализации» детей.

После окончания пансиона Григорий Александрович стал воспитанником Московского университета. На решение поступить в это гражданское учебное заведение повлияла обстановка, царившая в доме Кисловских. Там редко бывали военные. Значительно чаще можно было видеть общественных деятелей, представителей духовенства. Однако поступ-

ление в университет не закрывало молодому человеку путь в армию. Воспитанник получал лишь отсрочку от службы до окончания образования, а по выпуску его производили в первый обер-офицерский чин. Дворяне, по обычаям того времени, как правило, сызмальства записывали детей в полки. Потёмкина зачислили в конную гвардию.

В университете он учился превосходно, даже в 1756 году был удостоен золотой медали, а в 1757-м избран в число двенадцати достойнейших воспитанников, приглашённых в Петербург графом Иваном Ивановичем Шуваловым для представления Императрице Елизавете Петровне.

Вся жизнь Григория Александровича прошла в особый для России период, в царствование женщин. Родился он в период правления Анны Иоанновны, детские и юношеские годы пришлись на царствование Елизаветы Петровны, а молодость и зрелость – на «золотой екатерининский век». Его богатырское телосложение, его обаяние в сочетании с мужественной силой привлекали внимание. Императрица Елизавета Петровна заметила и выделила его среди других воспитанников, но особенное впечатление произвёл Потёмкин на графа Шувалова, поразив его обширными знаниями, особенно в вопросах богословия и греческого языка. И вот воспитанник Московского университета, ещё ни дня не служивший, был произведён Шуваловым из рейтаров сразу в капраны лейб-гвардии Конного полка – случай беспрецедентный в истории кавалергардов.

Более подробных сведений об участии Потёмкина в той поездке, не сохранилось, но мы можем прочитать воспоминания о ней знаменитого Дениса Фонвизина: «В сие время тогдашний наш директор (И. И. Мелиссино. – Н. Ш.) вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета (графу И. И. Шувалову. – Н. Ш.) плодов сего училища. Я не знаю, каким образом попал я и брат мой (П. И. Фонвизин, впоследствии директор Московского университета. – Н. Ш.) в сие число избранных учеников. Директор с своею супругою и человек десять (на самом деле 12 воспитанников, в числе которых был и Григорий Александрович Потёмкин. – Н. Ш.) нас, малолетних, отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следственно, трудное, так, как и для всех моих товарищей; но благодарность обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего. Он имеет характер весьма кроткий, и можно с достоверностью сказать, что во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел.

Через несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, привёл к человеку, которого вид обратил на себя по-

читительное внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? «По-латыни», – отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием. После обеда в тот же день были мы во дворце на куртаге; но Государыня не выходила. Признаюсь искренне, что я удивлён был великолепием двора нашей Императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка – всё сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного. Сему так и быть надлежало: ибо тогда был я не старше четырнадцати лет, ничего ещё не видывал, всё казалось мне ново и прелестно...».

Думается, к этой оценке мог присоединиться и Потёмкин. В годы учебы в Московском университете он пристрастился к чтению и проглатывал одну книгу за другой. Летом, приезжая к родственникам в деревню, забирался в библиотеку и, случалось, засыпал с книгой в руках на стоявшем там бильярдном столе.

Однажды его товарищ Матвей Афонин, впоследствии профессор Московского университета, купил специально для Потёмкина «Натуральную философию» Бюффона, только что изданную в России. Потёмкин вернул ему книгу на следующий день. Афонин с обидою упрекнул Григория в том, что тот даже не открыл книгу. Но упреки были напрасными, что доказал Потёмкин великолепным знанием её со-

держания. В другой раз он сам попросил Ермила Кострова, тоже однокашника, дать с десяток книг. Тот принес их Григорию, а через пять дней все до единой получил обратно.

Как тут было не удивиться? Трудно поверить, что человек способен прочитать за несколько дней такое количество книг. Ермил Костров с насмешкой сказал:

– Да ты, брат, видно, только пошевелил страницы в моих книгах. На почтовых хорошо летать в дороге, а книги – не почтовая езда...

– Я прочитал твои книги от доски до доски, – возразил Потёмкин. – Коли не веришь, изволь, экзаменуй.

Теперь, вслед за Афониным, настал черед удивиться Кострову.

Сергей Николаевич Глинка, побывавший в селе Чижове, поведал о сохранившейся там библиотеке Потёмкина следующее: «Управитель указал мне на старинный шкаф, и первая попавшаяся мне книга была «Слово о священстве» Иоанна Златоуста». Как видим, уже в детские годы были заложены в характер Потёмкина многие черты, которые вели его по жизни. Известно, что был он нелицемерно верующим человеком. Немало свидетельств и его приверженности военному делу, которое он, подобно Суворову, самостоятельно изучал с ранних лет. С. Н. Глинка привёл интересные факты, которые открылись ему во время изучения отроческой библиотеки будущего Светлейшего Князя. Во многих книгах он нашёл пометки. Одна из них была сделана на полях возле

такого текста: «Если исчислишь военачальников от глубокой древности, ты увидишь, что их трофеи были следствием их военной хитрости, и побеждавшие посредством оной заслужили более славы нежели те, кои поражали открытою силою, ибо сии последние одерживают верх с великою тратою людей, так что никакой не остаётся выгоды от победы». А рядом рукою Потёмкина: «Правда, сушая правда, нельзя сказать справедливее». Далее Глинка писал: «Вижу другую завёрнутую страницу и читаю: «Изобилие денег не то, что благоразумие души: деньги истрачиваются». В отметке Потёмкина сказано было: «И это сушая правда, и я целую эти золотые слова».

Любовь к чтению, подчас, отвлекала от занятий, но ведь она давала знания, и знания по тем временам уникальные. Но вдруг после успеха в Петербурге Потёмкин был в 1760 году отчислен из университета «за леность и не хождение в классы».

По-разному объясняли это биографы Потёмкина. Вероятнее всего, охлаждение к наукам произошло оттого, что в то время состав преподавателей университета, среди которых были и подобные тем, что описал Мессельер, оставлял желать лучшего. Запоем читая книги, Потёмкин приобретал знания, которые часто превосходили знания его учителей.

Вот как вспоминал об учёбе в университете того времени в «Чистосердечных признаниях в делах моих и помышлениях» драматург, писатель и переводчик Денис Иванович Фон-

визин (1744–1792), брат которого Павел Иванович Фонвизин (1745–1803) был одно время директором этого учебного заведения:

«Остаётся мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был (а учился Д. И. Фонвизин в первые годы существования университета, ещё при Императрице Елизавете Петровне. – Н. Ш.). Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чём оно состояло: учитель наш пришёл в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле – четыре; удивлённый сею странностию, спросил я учителя о причине. «Пуговицы мои вам кажутся смешны, – говорил он, – но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле – четыре спряжения; итак, – продолжал он, ударяя по столу рукою, – извольте слушать всё, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете».

Далее Д. И. Фонвизин откровенно признаётся: «Послу-

шайте, за что я медаль получил. Тогдашний наш инспектор покровительствовал одного немца, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего, латинского, то пришёл на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы, следственно, экзаменованы были без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течёт Волга? В Чёрное море, – отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; в Белое, – отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне; не знаю, – сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили».

Ну и далее как бы подводит итог учёбы в университете в период царствования Императрицы Елизаветы Петровны: «В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиной тому была ребяческая леность, а с другой – нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков, но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо».

Можно понять Потёмкина, который не пожелал оставаться в столько ужасной обстановке и решил начать службу в армии.

Однако, надо заметить, что Потёмкин, хоть и не окончил университет, прекрасно осознавал роль этого учебного заведения, и важность образования. Впрочем, при Императрице

Екатерине порядки поменялись, и Государыня высказалась по этому поводу со свойственным ей юмором: «С тех пор как в государственные учреждения стали приходить выпускники университета, я стала понимать поступающие ко мне бумаги».

С прекращением учебы для Потёмкина закончилась и отсрочка от службы в полку. Надо было выбрать дальнейший путь в жизни. Кисловский пытался отговорить племянника от вступления на воинскую стезю, даже отказался снабдить средствами, которых немало требовалось в то время для службы в гвардии. Были некоторые колебания и у самого Григория Александровича. В те годы он коротко сошёлся с протодиаконом греческого монастыря отцом Дорофеем и с архиепископом Крутицким и Можайским Амвросием Зертис-Каменским. От Потёмкина можно было услышать такие заявления: «Хочу непременно быть архиереем или министром». Или: «Начну военную службу, а, коли нет, стану командовать священниками».

Вопросами богословия Потёмкин занимался очень серьезно, хотя в юношеские годы увлечений имел немало, причём самых разнообразных. Ещё в университете он много читал, писал стихи, даже сблизился с Василием Петровичем Петровым, в то время начинающим поэтом, а впоследствии известным лириком и переводчиком стихотворных текстов. Стихи Потёмкина, к сожалению, почти не сохранились. Известно, что Петров оказал определенное влияние на разви-

тие поэтического дара Потёмкина. Поэт учил его языку Гомера и вместе с ним переводил «Илиаду». О способностях Потёмкина отозвался так:

*Он без усилья успеваает,
Когда парит своим умом,
И жарку душу выражает
Живым и пламенным пером.
Не тяжких праздных слов примесом
Красот нам в слогe он пример:
Когда б он не был Ахиллесом,
То был бы он у нас Гомер.*

Спустя много лет Петров пригласил Потёмкина, уже бывшего в ореоле славы, в только что открытую типографию Селивановского, чтобы показать детище, в создании которого принимал активное участие. Когда друзья юности подошли к станкам, Василий Петрович предложил:

– Я примусь за работу, и вы, любезный князь, увидите, что, благодаря ласке хозяина типографии, я кое-как поднапорел в его деле.

Затем поэт быстро набрал четверостишие, посвящённое князю:

*Ты воин, ты герой,
Ты любишь муз творенья,
А вот здесь и соперник твой —
Герой печатного изделия.*

Протянув листок с набранным текстом, Петров сказал:

– Это образчик моего типографского мастерства и привет за ласковый ваш приход сюда.

– Стыдно же будет и мне, если останусь у друга в долгу, – отвечал Потёмкин. – Изволь, и я попытаюсь. Но чтоб не ударить в грязь лицом, пусть наш хозяин мне укажет, как за что приняться и как что делать. Дело мастера боится, а без учения и аза в глаза не увидишь.

Некоторое время Потёмкин старательно занимался набором, а потом попросил Петрова:

– Я, брат, набрал буквы, как сумел, а ты оттисни сам. Ты, как я видел, дока в этом деле.

Петров быстро управился с печатным станком, сделал оттиск и прочитал экспромт, сочинённый Потёмкиным:

*Герой ли я? не утверждаю,
Хвалиться не люблю собой,
Но что я друг всегдашний твой —
Вот это очень твёрдо знаю!*

Увлечение юности сохранилось на долгие годы. Потёмкин был признанным мастером эпиграмм и экспромтов. Однажды на обеде у московского писателя Федора Григорьевича Карина он сказал в виде тоста:

– Ты, Карин, —

Естественно, что живой и гибкий ум Потёмкина не мог мириться с косностью и невежеством университетских преподавателей. Юношу влекло к общению с наиболее образованными людьми своего времени, которых он нередко встречал в доме дяди. Такие люди на протяжении всей его жизни были самыми желанными его собеседниками. Его племянник Л. Н. Энгельгардт писал: «Поэзия, философия, богословие и языки латинский и греческий были его любимыми предметами; он чрезвычайно любил состязаться, и сие пристрастие осталось у него навсегда; во время своей силы он держал у себя учёных раввинов, раскольников и всякого звания учёных людей; любимое его было упражнение: когда все разъезжались, призывать их к себе и стравливать их, так сказать, а между тем сам изощрял себя в познаниях». Кипучей натуре Потёмкина были свойственны многие крайности, которые нередко являются признаком людей, наделённых дарованиями.

Архиепископ Амвросий, покровительствовавший юноше, не настаивал на том, чтобы тот обязательно избрал духовный путь; более того, когда Потёмкин объявил о своем желании ехать в полк, дал на дорогу и на обзаведение всем необходимым для службы 500 рублей, сумму по тем временам немалую.

Прибыв в полк, Григорий Александрович уже в первые

месяцы своей службы обратил на себя внимание командования прилежанием, старательностью и стремлением к совершенствованию знаний и навыков в военном деле, которые, естественно, у него, не нюхавшего пороху, были более чем скромными. Богатырское телосложение, прекрасное знание языков, особенно немецкого, оченьгодились на первых порах. Вступивший на престол Пётр III пригласил в Петербург своего, дядю принца Георга Людвига, которого сделал генерал-фельдмаршалом и приписал к Конной гвардии. Тут же понадобились адъютанты и ординарцы. Одним из них стал Потёмкин, выбранный самим принцем, обожавшим великанов.

Должность ординарца дядюшки Императора сразу приблизила его к Царскому Двору, выделила из среды гвардейцев. Вскоре Потёмкину был пожалован чин вахмистра. Однако эта служба не радовала Григория Александровича. Не любил он своего начальника за жестокое и бессердечное отношение к русским.

В тот период на Потёмкина обратили внимание не только принц и его окружение, но и патриоты, которые были крайне недовольны новым потоком иноземцев, всё гуще облепляющих уже не только престол, но и командные посты в армии.

Всё это переполнило чашу терпения, и гвардейцы, хорошо помнившие переворот 25 ноября 1741 года, в результате которого на престол вступила Елизавета Петровна, стали подумывать о свержении Петра III, как о единственной воз-

возможности спасти Россию от полного разграбления.

О роли вахмистра Потёмкина в подготовке переворота сохранилось немного данных. Известно, что действовал он смело, решительно и, скорее всего, был в числе тех, кто заранее знал о готовящемся событии. В день переворота он сумел убедить колеблющихся солдат присягнуть Императрице Екатерине Алексеевне.

Существуют предания о том, что, якобы, Государыня впервые обратила своё внимание на Потёмкина именно в день переворота. Граф Сегюр, ссылаясь на рассказ самого Григория Александровича, писал: «Ещё в начале царствования Екатерины Потёмкин был не более как девятнадцатилетний унтер-офицер; в день переворота он один из первых встал на сторону Императрицы. Однажды на параде счастливый случай привлёк на него внимание Государыни: она держала в руках шпагу, и ей понадобился темляк. Потёмкин подъезжает к ней и вручает ей свой; он хочет почтительно удалиться, но его лошадь, приученная к строю, заупрямилась и не захотела отойти от коня Государыни; Екатерина заметила его, улыбнулась и между тем обратила внимание на молодого унтер-офицера, который против воли всё стоял подле неё; потом заговорила с ним, и он ей понравился своею наружностью, осанкою, ловкостью, ответами...».

Примерно так же рассказывается и в ряде отечественных источников. Только С. Н. Шубинский уточняет, что случай произошёл не на параде, а именно во время присяги 28 июня

1762 года в Конногвардейском полку.

Ну а теперь попробуйте представить себе строевой плац, равные шеренги конногвардейцев и Государыню перед ними верхом, в гвардейском мундире лейб-гвардии Преображенского полка. Из-под треуголки, украшенной дубовыми листьями, спадали на мундир длинные красивые волосы. Екатерине Алексеевне едва исполнилось 33 года, она была хороша собой, и подданные не могли без восторга смотреть на неё. Она не могла не прочесть восхищения и в глазах 23-летнего вахмистра лейб-гвардии Конного полка Григория Потёмкина, который первым пришёл на помощь, когда ей понадобился темляк, кожаный ремень, сделанный в форме петли с кистью на конце и служивший для крепления холодного оружия у пояса.

Так произошла встреча Потёмкина и Екатерины, сыгравшая невероятную роль не только в их судьбе, но и судьбе России.

Мы познакомились с тем, как жил Потёмкин до этой встречи, изменившей его судьбу. Настала пора проследить путь будущей Великой Государыни с того момента, когда она получила приглашение в Россию и до благословенного часа вступления на Российский стол.

Невеста наследника престола

О младенчестве и отрочестве будущей Российской Государыни известно не так уж много. Причина ясна: кто мог предугадать столь великое её будущее. Поэтому главным источником являются записки самой Императрицы.

Известный биограф Императрицы А. Г. Брикнер указывал в монографии: «Императрица Екатерина в позднейшее время охотно вспоминала и в шутовском тоне говорила о той сравнительно скромной обстановке, при которой она, бывшая принцесса Ангальт-Цербстская Софья Фредерика Августа, родилась (21 апреля ст. ст., или 2 мая н. ст., 1729 года) и выросла в Штеттине, как дочь губернатора этого города, принца Христиана Августа и принцессы Иоанны Елизаветы, происходившей из Голштинского дома и бывшей, таким образом, в довольно близком родстве с Великим Князем Петром Фёдоровичем».

В 1776 году, касаясь, к слову, своего детства, Императрица Екатерина Вторая писала барону Гримму, собиравшемуся посетить Штеттин: «... я родилась в доме Грейфенгейма, в Мариинском приходе... жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала наверху три комнаты со сводами, возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни. Там учила меня мамзель Кардель и делал мне испытания г. Вагнер. Через весь этот флигель по два или три раза в день

я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце...». А далее в шутку прибавила: «...может быть, Вы полагаете, что местность, что-нибудь значит и имеет влияние на произведение сносных императриц». В другом письме она продолжила шутку: «Вы увидите, что со временем станут ездить в Штеттин на ловлю принцесс, и в этом городе появятся караваны посланников, которые будут там собираться, как за Шпицбергом китоловы».

Этими шутками Екатерина хотела, очевидно, подчеркнуть совершенную необычайность превращения принцессы из обедневшего рода сначала в Великую Княгиню, а затем и в Императрицу России.

Чтобы понять, как случилось, что дочь губернатора заштатного прусского городишки была выбрана в невесты наследника Российского престола, необходимо разобраться, что происходило в ту эпоху в самой России.

Династическая линия Романовых с конца XVII века и вплоть до восшествия на престол Екатерины Великой была весьма слабой и непрочной. Старший сын Петра I, царевич Алексей Петрович, был, как известно, умерщвлен. Сын Петра I от Марты Самуиловны Скавронской (будущей Екатерины I) умер в младенчестве. Сын казнённого царевича Алексея Петровича, ставший в юные лета Императором Петром II, умер, а по некоторым данным, был отравлен. Детей у него не было по младости лет. Даже женить юного Императора не успели.

Род Романовых по мужской линии пресёкся, и в 1730 году Верховный тайный совет остановил свой выбор на Анне Иоанновне, дочери Иоанна, старшего брата Петра, выданной ещё в 1710 году за герцога Курляндского и вскоре овдовевшей. Анна Иоанновна правила с 1730 по 1740 год, и это царствование оставило по себе тяжёлые воспоминания. После её смерти оседлавшие Россию во времена «бироновщины» иноземцы возвели на престол младенца Иоанна Антоновича при регентстве его матери, Анны Леопольдовны, которая была дочерью герцога Мекленбург-Шверинского и племянницы Петра I Екатерины Иоанновны. Всё это было сделано в обход законных прав дочери Петра Первого Елизаветы Петровны.

Наконец, русской гвардии надоела вся эта дворцовая кутерьма иноземцев, и 25 ноября 1741 года, разогнав неметчину, гвардейцы возвели на престол Елизавету Петровну.

Императрица Елизавета Петровна, насмотревшаяся на возню вокруг престола малодостойной уважения своры алчных претендентов, стала искать возможность укрепить династическую линию. Но, увы, ей удалось найти лишь сына гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и Анны Петровны, дочери Петра I от Марты Самуиловны Скавронской, который был наречён сложным для понимания в России именем Карл Пётр Ульрих. С одной стороны, он был внуком Петра I, а один внук – Император Пётр II – уже правил в России с 1727 по 1730 год. Почему же не стать Императором вто-

рому внуку? Но, с другой стороны, претендент на престол, выбранный Елизаветой Петровной, её саму привёл в шок...

Тем не менее, дело сделано, и отступать было некуда. Императрица стала спешно искать невесту для наследника. Она решила все надежды возложить на то чадо, которое родится от брака дурно воспитанного и малообразованного Великого Князя с достойной супругой, если удастся подыскать таковую.

Есть что-то мистически загадочное в том, что выбор пал именно на Екатерину Алексеевну, которая до Православного Крещения звалась: Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Посудите сами: предлагались невесты гораздо более именитые. А. Г. Брикнер в “Истории Екатерины Второй” рассказал: «Уже в 1743 году в Петербурге был возбуждён и решён вопрос о женитьбе наследника престола. Ещё до этого, а именно в конце 1742 года, английский посланник сделал предложение о браке Петра с одной из дочерей английского короля; рассказывают, что портрет этой принцессы чрезвычайно понравился Петру. С другой стороны, зашла речь об одной французской принцессе, однако, Императрица Елизавета не желала этого брака. Из записок Фридриха II видно, что Императрица Елизавета, при выборе невесты для своего племянника, «всё более склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры прусского короля». Зато выбор Бестужева пал на Саксонскую принцессу Марианну, дочь польского короля Августа III, ибо этот брак вполне

соответствовал политической системе канцлера, союзу между Россией, Австрией и Саксонией, для сдерживания Франции и Пруссии».

Как видим, рассматривались четыре претендентки, к одной из которых благоволила Императрица Елизавета Петровна, к другой сам Великий Князь Пётр Фёдорович, а к третьей, уже по политическим мотивам, канцлер Бестужев.

Но вдруг, казалось бы, ни с того ни с сего, Императрица Елизавета Петровна, никого не известив, завела переговоры о браке наследника с принцессой Софьей Фредерикой Августой Ангальт-Цербстской, родители которой были крайне бедны, а сама невеста к тому же ещё, приходилась жениху троюродной сестрой.

Впрочем, полезнее ли были бы для России все вышепоименованные невесты, если учесть каков сам жених по умственному складу и характеру? Могла ли Россия стать для них столь же желанной Родиной, как для Екатерины, если они у себя дома купались в роскоши, а для принцессы Ангальт-Цербстской на её родине перспектив по существу не было? Одной из причин выбора явилось то, что принцесса Софья, став Великой Княгиней, не смогла бы опираться на силу придворных партий, которые неминуемо сгруппировались бы при любой из перечисленных выше претенденток. Такая опора могла серьёзно осложнить передачу прав на престолонаследие тому, кто появится на свет после бракосочетания Великого Князя.

Многие историки пытались понять, почему выбор пал именно на Софию Фредерику Августу? А. Г. Брикнер предлагал такое объяснение: “С давних пор между русским двором и родственниками невесты Великого Князя Петра Фёдоровича существовали довольно близкие сношения. Брат княжны Иоганны Елизаветы (матери будущей Императрицы Екатерины II), епископ Любский Карл, при Екатерине I был в России в качестве жениха Елизаветы Петровны. Он вскоре умер, но Елизавета Петровна не переставала питать некоторую привязанность к его родственникам. Ещё до мысли о браке Петра с принцессой Ангальт-Цербстской, они находились в переписке с её матерью...”.

Так или иначе, но решение было принято, и Елизавета Петровна тайно призвала в Петербург Иоганну Елизавету с дочерью. Причины приглашения, да и само по себе приглашение держались в тайне.

«Пётр будет твоим супругом...»

Императрица Екатерина Вторая вспоминала о том в своих «Записках...» следующее: «1 января 1744 года мы были за столом, когда принесли отцу большой пакет писем; разорвав первый конверт, он передал матери несколько писем, ей адресованных. Я была рядом с ней и узнала руку обергофмаршала голштинского герцога, тогда уже русского Великого Князя. Это был шведский дворянин по имени Брюмер. Мать писала ему иногда с 1739 года, и он ей отвечал. Мать распечатала письмо, и я увидела его слова: «...с принцессой, Вашей старшей дочерью». Я это запомнила, отгадала остальное и, оказалось, отгадала верно. От имени Императрицы Елизаветы он приглашал мать приехать в Россию под предлогом изъявления благодарности Её Величеству за все милости, которые она расточала семье матери».

Сразу после обеда отец и мать принцессы Софии уединились и что-то обсуждали, причём, после долгих разговоров, мать «отклонила отца от мысли о поездке в Россию».

И вот тут будущая Императрица Екатерина проявила удивительную, даже весьма дерзкую инициативу: «Я сама заставила их обоих на это решиться, – вспоминала она в «Записках...», – Вот как. Три дня спустя я вошла утром в комнату матери и сказала ей, что письмо, которое она получила на Новый год, волновало всех в доме... Она хотела узнать,

что я о нём знала; я ей сказала, что это было приглашение от Русской Императрицы приехать в Россию, и что именно я должна участвовать в этом. Она захотела узнать, откуда я это знала; я ей сказала: «через гаданье»... Она засмеялась и сказала: «ну, так если вы, сударыня, такая учёная, вам надо лишь отгадать остальное содержание делового письма в двенадцать страниц». Я ей ответила, что постараюсь; после обеда я снесла ей записку, на которой написала следующие слова (гадалки, популярной в Штеттине. – Н. Ш.):

«Предвещаю по всему,
что Пётр III будет твоим супругом».

Мать прочла и казалась несколько удивлённой. Я воспользовалась этой минутой, чтобы сказать ей, что если действительно ей делают подобные предложения из России, то не следовало от них отказываться, что это было счастье для меня. Она мне сказала, что придётся также многим рисковать в виду малой устойчивости в делах этой страны; я ей отвечала, что Бог позаботится об их устойчивости, если есть Его воля на то, чтоб это было; что я чувствовала в себе достаточно мужества, чтобы подвергнуться этой опасности, и что сердце моё мне говорило, что всё пойдёт хорошо...».

Затем предстояло ещё убедить отца, с чем Софья Фредерика Августа вполне справилась, пояснив, что по приезде в Петербург они с матерью увидят, надо ли возвращаться назад. Отец дал письменное наставление в нравственности и велел хранить в тайне предстоящую поездку.

В записках о путешествии говорится: «В Курляндии я увидела страшную комету, появившуюся в 1744 году; я никогда не видала такой огромной – можно было сказать, что она была очень близка к земле».

Под таким Знаком въехала в Россию будущая Императрица Екатерина Великая. Любопытно, что эта комета запомнилась знаменитому поэту екатерининской эпохи, прославившему Государыню в оде «Фелица», Гавриилу Романовичу Державину. В «Объяснениях» на собственные сочинения, поэт, говоря о себе, как обычно он это делал в публикациях подобного рода, в третьем лице, писал: «Родился он в 1743 году 3 июля, в 1744 году, в зимних месяцах, когда явилась комета... то он, быв около двух годов, увидев оную и показав пальцем, быв у няньки на руках, первое слово сказал: «Бог».

А ведь принцесса Софья верила, что именно по воле Бога вызвана в Россию... Пуржила и выюжила русская зима, взбивали огромные снежные перины неугомонные метели, поражало снежное безбрежье, таинственно мерцающее в лунном свете и сверкающее в свете солнечном. Дороги, порой, едва угадывались под снежными покровами. Без провожатых не найдёшь, куда ехать, заплутаешь в бесконечном просторе. Не видала прежде такой необозримости, стремящейся к бесконечности, юная прусская принцесса, и вряд ли могла она представить себе, что когда-то вся эта невообразимая красота русских полей, торжественность дубрав, рощ и лесов, одетых в белоснежное убранство непорочной чистоты, будет в

её державной власти. Вряд ли она могла предположить, что пройдут годы, и она, во время частых своих путешествий, будет проноситься в карете, поставленной на лыжи, по Российским просторам, жмурясь от слепящего снега днём и восхищаясь яркими факелами костров, освещающими царский путь ночью.

Резвые кони мчали прусскую принцессу в тревожную, но желанную неизвестность. Ей не было жаль прошлого – её влекло будущее, пусть туманное, но полное надежд. Детские годы на родине и юношеские в России наложили каждый свой, но в чём-то общий отпечаток на характер будущей Императрицы. В. В. Каллаш в статье «Императрица Екатерина II. Опыт характеристики», опубликованной в книге «Три века», которая была издана к 300-летию Дома Романовых, сделал такой вывод: «Богатые природные силы, высокие требования, пошлая, монотонная, бедная обстановка – вот условия, среди которых слагался характер Екатерины в её юности. Сознание недюжинных сил, постоянные унижения, противоречия между думами и действительностью заставляют рваться из этой тягостной атмосферы, отдаляют от родных, воспитывают самостоятельность характера, находчивость, наблюдательность, усиливают самолюбие и тщеславие; упругость некоторых из этих черт развивается пропорционально давлению среды. Двор Елизаветы дал ей ту же картину, только ещё ярче окрашенную, в сильно увеличенном масштабе... Здесь, в новой обстановке, ждали Екатерины».

ну та же пошлость, мелочность интересов, та же грубость вкусов неискусно прикрытые взятой у французов напрокат изысканностью обращения; здесь тоже слишком мало думали об общем благе и слишком много – о своём личном».

Впрочем, всего того, что ждёт её при Дворе Императрицы Елизаветы Петровны, принцесса Софья тогда ещё не знала. С этим предстояло познакомиться уже в ближайшие дни...

Красавица Императрица

Петербург встретил прусскую принцессу оглушающим пушечным салютом. Праздничное великолепие города поразило её. Можно себе представить, сколько было у неё самых ярких впечатлений от Зимнего Дворца, восторгов от величественного вида Петропавловской крепости, гармонирующего с Невой, скрытой белоснежным убранством. Но это только начало – предстоял ещё путь в Москву, где находился двор, и где ждали её Императрица и Великий Князь. И этот путь поразил не меньше. И теперь, в век торжества сокрушителей природы, Валдай ещё живёт, ещё борется с жестокосердием двуногих врагов лесов, озёр полей и всего в них живого, а тогда он сверкал своею нетронутою красотой в необыкновенном торжественном величии. Вышний Волочок, старинная Тверь, Клин представали пред глазами будущей Государственной Повелительницы. А впереди была златоглавая Москва. Её золотистые сорок сороков окончательно сразили своим неподражаемым серебряным звоном.

И вот первая встреча с Елизаветой Петровной. Императрица слыла едва ли не первой русской красавицей своего времени. В «Записках Екатерины это подтверждено в полной мере: «Когда мы прошли через все покои, нас ввели в приёмную Императрицы; она пошла к нам навстречу с порога своей парадной опочивальни. Поистине нельзя было тогда

видеть её в первый раз и не поразиться её красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова была также очень красива; на Императрице в тот день были огромные фижмы, какие она любила носить, когда одевалась, что бывало с ней, впрочем, лишь в том случае, если она появлялась публично. Её платье было из серебряного глазета с золотым галуном; на голове у неё было чёрное перо, воткнутое сбоку и стоявшее прямо, а причёска из своих волос со множеством брильянтов...».

В то время самыми влиятельными сановниками при Елизавете Петровне были граф Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771) и его младший брат Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803). Алексей Разумовский пользовался особенным расположением Елизаветы Петровны. Существует даже предание, что они венчались 13 июля 1748 года (по другим данным – в 1750 году). Елизавета Петровна была человеком верующим. Именно вера Православная помогала ей пережить все муки, унижения и издевательства Императрицы Анны в страшный для России век «бироновщины». Противозаконно отодвинутая от наследования престола, Елизавета Петровна видела в жизни немного добрых минут. Жених, предназначенный ей, умер, и предание о её сближении с Алексеем Разумовским не лишено оснований. Любившая хоровое пение Елизавета взяла к себе из при-

дворной капеллы привезённого с черниговщины в Петербург молодого малороссийского казака Алексея Разума, красавца, имевшего замечательный голос. Вскоре он стал камердинером, а затем и вершителем судеб людских при малом дворе.

Сразу после переворота 25 ноября 1741 года Алексей Разумовский стал поручиком лейб-кампании с чином генерал-поручика и действительным камергером, а в день коронации Елизаветы Петровны получил Орден Святого Андрея Первозванного, чин обер-егермейстера и богатые имения. В 1756 году Императрица произвела его в генерал-фельдмаршальский чин.

Все эти факты не могут не наводить на мысли об особой роли Алексея Разумовского в судьбе России. Императрица Елизавета Петровна по обстоятельствам государственного свойства не могла стать официальной супругой Алексея Разумовского. Да и нужды в том для продолжения уже существующих отношений в общем-то не было. При любом повороте дела Разумовский не мог стать отцом наследника престола, а к власти, по своему характеру, не стремился.

Нужда была иная. Православная Императрица понимала, что отношения её греховны и, вполне возможно, стремилась узаконить их перед Богом, тем более, что неизмеримо важнее это сделать именно перед Богом, а не перед людьми. Верующим ведомо, что в 1-м послании Коринфянам есть такие строки: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оста-

ваться как я; Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

Елизавета Петровна была нелицемерно верующей, и потому нет ничего невероятного в преданиях о её духовном браке. К примеру, Е. Анисимов в книге «Россия в середине XVIII века» тоже указывает на то, что «Алексея Григорьевича Разумовского традиционно принято считать тайным мужем Императрицы, обвенчанным с нею в подмосковном селе Перово в 1742 году». Эта дата даже более достоверна, ведь Елизавета Петровна вступила на престол в 1741 году, и не было резона ждать до 1748 года.

В 1747 году секретарь саксонского посольства Пецольд докладывал: «Все уже давно предполагали, а я теперь знаю достоверно, что Императрица несколько лет назад вступила в брак с обер-егермейстером».

Интересные мысли о политике Императрицы Елизаветы Петровны высказал автор книги “Рождение новой России” В. В. Мавродин: “Вступление на престол Елизаветы, умело ускользнувшей в период подготовки дворцового переворота от пут французской и шведской дипломатии, и первые шаги обескуражили иностранных дипломатов.

«Трудно решить, какую из иностранных наций она предпочитает прочим, – писал о Елизавете Петровне Лафермлер. – По-видимому, она исключительно, почти до фанатизма любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение».

Не из колыбели ли Елизаветинской государственности выросли воззрения на Русский народ у Екатерины Алексеевны? Известны слова Екатерины Великой: «Русский народ есть особенный народ в целом свете: он отличается догадкою, умом, силою... Бог дал Русским особое свойство».

А. Г. Брикнер отметил: «Первое впечатление, произведённое принцессою Иоганною Елизаветою и её дочерью на Императрицу (Елизавету Петровну. – Н. Ш.), было чрезвычайно благоприятно. Однако, в то же время, они видели себя окружёнными придворными интригами. Для приверженцев проекта саксонской женитьбы приезд Ангальт-Цербстских принцесс был громовым ударом. Они не хотели отказаться от своих намерений. Саксонский резидент продолжал хлопотать об этом деле, обещая Курляндию, как приданое невесты Марианны».

Историк Сергей Михайлович Соловьёв указал, что Бестужев был приведён в ярость приездом принцессы Цербстской и заявил: «Посмотрим, могут ли такие брачные союзы заключаться без совета с нами, большими господами этого государства».

С первых дней пребывания при дворе принцессе Софии приходилось вести себя более чем осмотрительно, тем более, она не могла не заметить, что жениху своему не очень пришлась по душе. Впрочем, это не слишком её огорчало, ибо Великий Князь также не тронул её сердца. Она и прежде знала, что её жених не блещет достоинствами. В сво-

их «Записках...» она сообщила, что увидела его впервые ещё в 1739 году, в Эйтине, когда он был одиннадцатилетним ребёнком, и наслушалась весьма нелицеприятных отзывов: «Тут я услышала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог склонен к пьянству, что его приближённые не дают ему напиваться за столом, что он упрям и вспыльчив, не любит своих приближённых и особливо Брюмера, что, впрочем, он довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Действительно, цвет лица его был бледен; он казался тощ и нежного темперамента. Он ещё не вышел из детского возраста, но придворные хотели, чтобы он держал себя как совершеннолетний. Это тяготило его, заставляя быть в постоянном принуждении. Натянутость и неискренность перешли от внешних приёмов обращения и в самый характер».

Жалкий Великий Князь

Встреча с будущим женихом Великим Князем Петром Фёдоровичем, как видим, не произвела на Софию Фредерику Августу такого впечатления, как встреча с Императрицей Елизаветой Петровной. В своих «Записках...» она отметила: «Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но, по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа. Ему было тогда шестнадцать лет; он был довольно красив до оспы, но очень мал и совсем ребёнок; он говорил со мною об игрушках и солдатах, которыми был занят с утра до вечера. Я слушала его из вежливости и в угоду ему; я часто зевала, не отдавая себе в этом отчёта, но я не покидала его, и он тоже думал, что надо говорить со мною; так как он говорил только о том, что любит, то он очень забавлялся, говоря со мною подолгу».

Мы привыкли рассуждать о Великом Князе Петре Фёдоровиче, пользуясь оценками современников, наблюдавших его в России – но в Россию явилось то (как в известном каламбуре) «что выросло, то выросло». Во всяком случае, о том, как проходило детство этого человека, обычно не упоминается. Тем интереснее сообщение, сделанное одним из авторов книги «Три века», изданной к 300-летию Дома Романовых: «Пётр III был от природы слабым, хилым, невзрач-

ным на вид ребёнком, который постоянно болел и выйдя уже из детского возраста. Дурное воспитание, легкомысленно и бестолково ведённое его голштинскими наставниками Брокдорфом и Брюммером, не только не исправило недостатков физической организации принца, но ещё более их усилило. Ребёнок часто должен был дожидаться кушанья до двух часов пополудни и с голоду охотно ел сухой хлеб, а когда приезжал Брюммер и получал от учителей дурные отзывы о принце, то начинал грозить ему строгими наказаниями после обеда, отчего ребёнок сидел за столом ни жив, ни мёртв, и после обеда подвергался головной боли и рвоте желчью. Даже в хорошую летнюю погоду принца почти не выпускали на свежий воздух... Принца часто наказывали, причём в числе наказаний были такие, как стояние голыми коленями на горюхе, привязывание к столу, к печи, сечение розгами и хлыстом».

Словом, над ним, по сути, просто-напросто издевались, как над сиротой, ибо матери он лишился ещё в младенчестве, а отца в весьма малом возрасте. Как известно, жестокость воспитателей никогда не приводит к благим результатам, переламывает характер воспитуемого, зачастую образуя в нём ещё большее жестокосердие. Казалось бы, переезд в Россию мог стать спасением для четырнадцатилетнего отрока. Но никому и в голову не пришло поменять воспитателей, поскольку садисты, приставленные к Карлу-Петру-Ульриху, вполне естественно, на людях свою жестокость не де-

монстрировали. Да и вопросы воспитания при Дворе Елизаветы Петровны не стояли выше тех, что испытал уже на себе высокородный отрок. «И здесь нисколько не заботились о физическом развитии наследника престола, заставляя его подолгу и чуть не до изнурения проделывать всевозможные балетные па». В результате за три года пребывания в России Пётр перенёс три тяжёлых болезни.

И снова никто не подумал о физической закалке. Жизнь текла по-прежнему. Симпатий ни у кого наследник престола не вызывал. Да, впрочем, и был он далеко не симпатичен. Некто Рюльер оставил его словесный портрет: «Его наружность, от природы смешная, сделалась таковою ещё более в искажённом прусском наряде; штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не мог сгибать колен и принуждён был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное, но довольно живое лицо, которое он безобразил беспрестанным кривлянием для своего удовольствия».

И вот прибывшая в Россию принцесса София должна была стать супругой этакого чучела. Рюльер, кстати более расположенный к Великому Князю, нежели к принцессе, тем не менее, оставил портрет её, представляющий явную противоположность вышеописанному портрету: «Приятный и благородный стан, гордая поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд, – всё возвещало в ней великий характер. Большое открытое чело и римский нос, розовые

губы, прекрасный ряд зубов, нетучный, большой и несколько раздвоенный подбородок. Волосы каштанового цвета отличной красоты, чёрные брови и таковые же прелестные глаза, в коих отражение света производило голубые оттенки, и кожа ослепительной белизны. Гордость составляла отличительную черту её физиономии. Замечательные в ней приятность и доброта для проницательных глаз не что иное, как действие особенного желанья нравиться...».

София становится Екатериной

С первых же дней принцессу Софию стали готовить к крещению в Православную веру. Нельзя не сказать несколько слов о её наставнике Симоне Тодорском, который впоследствии стал архиепископом Псковским и умер в 1754 году, не дожив до восшествия на престол своей подопечной.

Это был глубоко верующий и образованный священнослужитель. Уже за несколько первых уроков он сумел добиться значительных результатов, о чём мы можем судить по воспоминаниям самой обучаемой. Известный историк Николай Дмитриевич Тальберг отметил, что задача архимандрита Симона Тодорского по обращению будущей Императрицы в Православную веру вовсе не была лёгкой. В книге «Век золотой Екатерины: Императрица Екатерина II» он писал: «Умная и обладавшая знаниями принцесса была сознательно привержена к лютеранству. По свидетельству прусского короля Фридриха II, её отец, прусский фельдмаршал, был ревностный лютеранин».

Вот что рассказал в «Лекциях по истории Русской Церкви» Е. Сумароков: «Трудность задачи увеличивалась тем, что приходилось иметь дело с сильным и стойким характером, неспособным поддаваться чужим мнениям и смотреть на что бы то ни было чужими глазами. Однако для Тодорского трудность подобной задачи не казалась непреодолимой.

С одной стороны, обладая в совершенстве высшую учёно-стью и немецким языком, прекрасно зная дух лютеранства, отчётливо представляя себе хорошие и слабые стороны его над другими вероисповеданиями, будучи, наконец, знаком с неосновательными нареканиями, возводимыми на Православие врагами его, Симон с первых же шагов преподавания принцессе является, так сказать, во всеоружии. Заметив сильную приверженность принцессы к родному ей лютеранскому исповеданию, Симон сначала не только не высказывался о нём категорически, напротив, поспешил заявить своё уважение и одобрение всему, что в нём заслуживает такового. Этим он приобрёл доверие ученицы и расположенность выслушивать его дальнейшие наставления... Сопоставляя дальше Православие с лютеранством, Симон особенно отмечал существенные пункты сходства между тем и другим, разясняя при этом несущественность обрядовых различий. Благодаря такому ведению дела, принцесса в скором времени если не отрешилась ещё от привязанности к лютеранству, то, во всяком случае, изменила свой предубеждённый взгляд на Православие. Выучивая, наконец, преимущество Православия, он касался церковной истории и доказывал на основании её, что только Православная Церковь осталась верною подлинным началом древней истинной Христовой и Апостольской Церкви.

После точного разбора главных членов двух вероисповеданий и сличения православного катехизиса с лютеранским,

Тодорский представил Софии торжественное исповедание Православной веры».

Принцесса София, полностью ознакомленная с Православием, приняла крещение 28 июня 1744 года и стала Екатериной Алексеевной.

По словам секретаря Императрицы Грибовского, она была «очень любима духовенством...». Редактор «Русского архива» П. Бартенев дополнил данное утверждение, говоря, что об этом свидетельствовал её современник, будущий митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) в своих письмах, напечатанных в «Русском архиве».

Остаётся только удивляться, отчего историки до сих пор не обратили внимания на некоторые «совпадения» и «случайности», связанные с жизнью Императрицы Екатерины II. Во-первых, переворот, в результате которого она пришла к власти в 1762 году, совершился именно 28 июня, то есть в день её Православного крещения, состоявшегося за 18 лет до того. И было ей при восшествии на престол 33 года. Во-вторых, почему будущая Императрица Российская от рождения носила христианское имя Софья, что в переводе с греческого означает – премудрость? Если принять во внимание, что день Имени (Именин) приходится на первый из дней памяти святых, совершаемый после дня рождения, то дохристианское имя уже было в честь христианской святой Софии Римской, священномученицы, благочестивой вдовы-христианки, матери святых священномучениц Веры, Надежды и

Любови, память которых – 30 сентября. В-третьих, случайно ли имя Екатерина? Екатерина (с греческого – всегда чистая). Имя Екатерина принадлежало святой великомученице Александрийской, жившей в Александрии в IV веке и пострадавшей за Христа. Святая была княжеского рода, говорит Православный источник, отличалась необыкновенной красотой, учёностью и мудростью. Обладая такими редкими качествами, святая объявила родителям, что согласится выйти замуж лишь за того, кто превзойдёт её знатностью, богатством, красотой и мудростью...

Мать св. Екатерины, тайная христианка, повела девушку за советом к своему духовнику. Старец сказал, что знает Юношу, который превосходит её во всём, и Екатерина загорелась желанием увидеть Небесного Жениха. Сам Иисус Христос нарёк святую Екатерину своей невестой... (См. Букварь: начало познания вещей Божественных и человеческих. «Е-К», с. 166). Мы знаем, чьей супругой стала перед Богом Русская Императрица, земная Екатерина. «Гений Потёмкина царил над всеми частями Русской политики», – таков отзыв современников о законном, венчанном супруге Государыни Светлейшем Князе Григории Александровиче Потёмкине-Таврическом, славных деяний которого во имя России мы ещё коснёмся в последующих главах.

Я ничего не хочу сказать более того, что говорят факты, но слова «совпадение» и «случайность» взял в кавычки намеренно, ибо в мире не бывает случайностей, а, по словам

преподобного Серафима Вырицкого: «Всемогущий Господь управляет миром, и всё, совершающееся в нём, совершается или по милости Божией, или по попущению Божию. Судьбы же Божии непостижимы для человека».

Но вернёмся к книге Н. Д. Тальберга «Екатерина II». Автор приводит такой факт: «22 апреля 1769 года Императрица писала Осипу Емельяновичу Сатину из местечка Калюс, близ Хотина: «Господин полковник Сатин (тамбовский помещик, впоследствии генерал-майор). Крест монастыря Волахского Радовозы, о котором объявило тамошнее духовенство, что оный весь из Животворящего Креста, который Вы ко мне прислали через генерал-майора Потёмкина, он в целости довёз, за что благодарна. Я сей крест для должного почитания поставила в придворной церкви и письмо Ваше отдала в ризницу для сохранения, и чтоб память осталась, откуда сия святыня прислана...».

Или ещё пример: «Императрица с большим уважением относилась к иеромонаху Платону, будущему Московскому митрополиту, служившему в придворной церкви и бывшему законоучителем Цесаревича Павла Петровича. В воскресенье 10 октября 1764 года, выйдя из храма, она признала: «Отец Платон сердит сегодня был, однако ж, очень хорошо сказывал. Удивительный дар имеет». 20 сентября 1765 года после литургии Императрица говорила: «Отец Платон делает из нас, что хочет: хочет он, чтоб мы плакали, – мы плачем; хочет, чтоб мы смеялись, – мы смеёмся».

В 1793 году возник вопрос о женитьбе Великого Князя Константина Павловича на одной из дочерей короля обеих Сицилий Фердинанда IV. Но принцесса, будучи католичкой, не соглашалась переменить религию. На это последовал ответ Императрицы Екатерины: «Их Величества, вероятно, не знают, что Россия столь же привержена к вере Православной, как они к латинской, и латинское или греко-латинское наследие, пока я жива, никогда не будет допущено».

Такую же убеждённость в отстаивании Православия при браках членов Российского Царственного Дома проявила Императрица, когда должно было состояться в Санкт-Петербурге в 1796 году обручение Великой Княжны Александры Павловны (1783–1810) с лютеранином, шведским королём Густавом-Адольфом IV. Государыня решительно не дала согласие на перемену любимой внучкой религии. Брак из-за этого расстроился...

30 августа 1774 года Императрица писала Гримму: «Нынче знаменательный день, во-первых, потому что я прошла пешком три версты с половиной крестным ходом из Казанского собора в Александровскую Лавру...».

Секретарь Императрицы А. В. Храповицкий отмечал в дневнике за 1787 год, что Государыня, пребывая в Киеве, говела, требовала этого от свиты и «считала тех, кто не общался». По средам и пятницам Екатерина II кушала постное, и в эти дни обедали в маленьких апартаментах с очень немногими».

Итак, 28 июня 1744 года Софья Фредерика Августа приняла православную веру и стала Екатериной Алексеевной. Началась подготовка к бракосочетанию Великого Князя Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны.

Торжественно-печальная свадьба

Столь радостное, казалось бы, событие, было омрачено взаимным равнодушием между женихом и невестой. Об истинном отношении Екатерины к Петру Фёдоровичу говорят такие строчки: «Я с отвращением слышала, как упоминали этот день (свадьбы – ред.), и мне не доставляли удовольствия, говоря о нём. Великий Князь иногда заходил ко мне вечером в мои покои, но у него не было никакой охоты приходить туда: он предпочитал играть в куклы у себя; между тем, ему уже исполнилось тогда 17 лет, мне было 16; он на год и три месяца старше меня».

Свадьба была назначена на 21 августа 1745 года. Образцами для торжеств, как писал биограф, служили подобные церемониалы при бракосочетании французского дофина в Версале и сына короля Августа III в Дрездене.

Императрица Елизавета Петровна, будучи нелицемерно набожной, пожелала, чтобы жених и невеста подготовились к этому обряду по православному, то есть по всем правилам выдержали Успенский пост. 15 августа она вместе с ними отправилась причаститься в церковь Казанской Божьей Матери, а затем, спустя несколько дней, водила их, причём пешком, в Александро-Невскую лавру.

«Чем больше приближался день моей свадьбы, тем я становилась печальнее и очень часто я, бывало, плакала, сама

не зная, почему, – признавалась Екатерина. – Я скрывала, однако, насколько могла, эти слёзы, но мои женщины, которыми я всегда была окружена, не могли не заметить этого, и старались меня рассеять».

Накануне свадьбы двор переехал из Летнего в Зимний дворец. «Вечером, – вспоминала Екатерина, – мать пришла ко мне и имела со мною очень длинный и дружеский разговор: она мне много проповедовала о моих будущих обязанностях; мы немного поплакали и расстались очень нежно».

Ранним утром 21 августа Петербург был разбужен пушечной пальбой. Торжества начались. Сама Императрица Елизавета Петровна приняла деятельное участие в приготовлениях Великой Княгини. Уже в 8 часов утра она пригласила Екатерину в свои покои, где дворцовые дамы стали её причёсывать. «Императрица пришла надеть мне на голову великокняжескую корону и потом она велела мне самой надеть столько драгоценностей из её и моих, сколько хочу, – читаем мы в Записках. – ...платье было из серебристого глазета, расшитого серебром по всем швам, и страшной тяжести».

Примерно в три часа дня Императрица усадила в свою карету Великого Князя Петра Фёдоровича и Великую Княгиню Екатерину Алексеевну и повезла их «торжественным шествием» в церковь Казанской Божьей Матери. Там и состоялся обряд венчания, который провёл епископ Новгородский.

У врачей, очевидно, уже в ту пору появились сомнения относительно способностей Великого Князя сделать то, что

от него требовалось в первую очередь – то есть дать потомство. Елизавета Петровна с каждым годом, да что там годом, с каждым месяцем, а может быть, и днём убеждалась в неспособности Петра Фёдоровича занять престол русских царей, когда придёт время.

И вот бракосочетание состоялось. Торжества продолжались десять дней и превзошли своим великолепием те, которыми гордились в Версале и Дрездене. Двор Императрицы Елизаветы и без того поражал иностранцев своим богатством, своим гостеприимством, необыкновенными празднествами. А во время торжеств окончательно сразил всех.

В день свадьбы во дворце дали торжественный бал, который, правда, продолжался всего около часа, и на котором танцевали только полонезы.

Что же было потом? Конечно, первая ночь после свадьбы – таинство, которое принадлежит новобрачной паре. Быть может, так оно и было бы, и мы не прочли бы в «Записках Императрицы Екатерины II» того, что можем прочесть, не прочли, если бы всё случилось не так, как у юной Великой Княгини и Великого Князя. В «Записках...» Императрица не скрывала ряда своих последующих связей и увлечений, но лишнего не допускала ни в единой строчке. Здесь же, говоря о первой ночи, которую принято именовать брачной, весьма и весьма откровенна: «Императрица повела нас с Великим Князем в наши покои; дамы меня раздели и уложили между девятью и десятью часами. Я просила принцессу Гессенскую

побыть со мной ещё немного, но она не могла согласиться. Все удалились, и я осталась одна больше двух часов, не зная, что мне следовало делать: нужно ли встать? Или следовало оставаться в постели? Я ничего не этот счёт не знала...».

Вот на этой строчке хотелось бы задержать внимание читателей. Многие авторы пытались убедить нас, что принцесса София приехала в Россию чуть ли уже не прошедшей огни, воды и медные трубы. Иные даже заявляли, что рвалась она сюда, поскольку «очень любила гусар». Оставим на совести пасквилянтов их заявления. Но вот что вспоминала Императрица о том, каковы её представления об отношениях мужчины и женщины были до свадьбы: «К Петрову дню весь двор вернулся из Петергофа в город. Помню, накануне этого праздника мне вздумалось уложить всех своих дам и также горничных в своей спальне. Для этого я велела постлать на полу свою постель и постели всей компании, и вот таким образом мы провели ночь; но прежде, чем нам заснуть, поднялся в нашей компании великий спор о разнице обоих полов. Думаю, большинство из нас было в величайшем неведении; что меня касается, то могу поклясться, что хотя мне уже исполнилось 16 лет, но я совершенно не знала, в чём состояла эта разница; я сделала больше того, я обещала моим женщинам спросить об этом на следующий день у матери; мне не перечили и все заснули. На следующий день я, действительно, задала матери несколько вопросов, и она меня выбрала».

Полагаю, что сомневаться в искренности написанного, оснований нет. Ведь в тех главах «Записок», где речь идёт об отношениях с Сергеем Салтыковым, Станиславом Понятовским, с Григорием Орловым, Императрица достаточно откровенна. Вот и в описании того, что с нею произошло после свадьбы она, судя по тону повествования, ничего не скрывает: «Наконец, Крузе, моя новая камер-фрау, вошла и сказала мне очень весело, что Великий Князь ждёт своего ужина, который скоро подадут. Его Императорское Высочество, хорошо поужинав, пришёл спать, и когда он лёг, он завёл со мной разговор о том, какое удовольствие испытал бы один из его камердинеров, если бы увидал нас вдвоём в постели; после этого он заснул и проспал очень спокойно до следующего дня... Крузе захотела на следующий день расспросить новобрачных, но её надежды оказались тщетными; и в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения».

Девять лет без изменений! Эту фразу Екатерина Алексеевна повторила затем, уже в 1774 году, в письме, адресованном Григорию Александровичу Потёмкину. А если точнее – именно с такой фразы и начато письмо, названное «Чистосердечной исповедью». Но всё это было через много лет.

Пока же необходимо заметить, что именно в те праздничные для всех, кроме Екатерины, дни, она окончательно убедилась в том, что в личной жизни ей счастья ожидать не приходится.

Какими бы сложными ни были её отношения с матерью, но мать была и оставалась для неё самым близким и дорогим человеком, и предстоящий отъезд ещё более усугублял положение. «Со свадьбы моё самое большое удовольствие было быть с нею (с матерью – ред.), – признавалась Екатерина. – Я старательно искала случаев к этому, тем более, что мой домашний уголок далеко не был приятен. У Великого Князя всё были какие-то ребячества; он вечно играл в военные действия, окружённый прислугой и любя только её.

В «Чистосердечной исповеди», адресованной Потёмкину в 1774 году, есть такая строчка: «...есть ли б я смолоду получила мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась». А ведь такие мысли родились у Екатерины не сразу, не вдруг – они выстраданы нелёгкой ей жизнью в первые годы после замужества.

«Богатые тоже плачут»

Казалось бы, что ещё надо – достаток, положение, колоссальные перспективы... Но, недаром говорят, что «богатые тоже плачут». Люди великие считают богатством не то, что считают таковым князи из грязи. Екатерина не случайно увлекалась философией – именно в философии она находила мудрые мысли, созвучные со своими душевными чаяниями.

Ещё в первые дни пребывания в России произошёл такой любопытный случай... В Петербург приехал граф Гюлленбург, который ещё прежде, во время одной из встреч в Гамбурге, поговорив с юной принцессой, посоветовал её матери Иоганне Елизавете побольше заниматься с дочерью, у которой уже проявился философский склад ума. И предрёк принцессе большое будущее. И вот во время встречи в Петербурге, он поинтересовался, как обстоят дела с занятиями философией «при том вихре» событий, в котором она пребывает, и как она оценивает сама себя. Екатерина стала рассказывать о своих делах и занятиях, и, видимо, в чём-то показалась графу самонадеянной, потому что он с тёплой улыбкой сказал:

– Пятнадцатилетний философ не может ещё себя знать!

А потом, подумав, предупредил, что в своём положении она окружена множеством подводных камней, о которые

легко можно разбиться, если не закалить душу. А для закалки её надо питать самым лучшим чтением. Граф рекомендовал «Жизнь знаменитых мужей» Плутарха, «Письма к Луцилию» и «О счастливой жизни» Луция Аннея Сенеки, «Жизнь Цицерона» и «Причины величия и упадка Римской республики» Монтескье и другие труды.

«Я тотчас же послала за этими книгами, – писала впоследствии Екатерина Великая, – которые с трудом тогда нашли в Петербурге».

Графу же обещала набросать свой портрет, дабы он мог видеть, знает ли она себя. «Действительно, я изложила в письме свой портрет, который озаглавила: «Набросок начерно характера философа в пятнадцать лет», и отдала ему. Много лет спустя, а именно, в 1758 году, я снова нашла это сочинение и была удивлена глубиной знания самой себя...»

Быть может, именно тот разговор подтолкнул её к чтению книг по философии, к попытке осознать своё место в бурном и неустойчивом мире. Много созвучного своим мыслям она нашла у Сенеки, который в своё время писал: «Достичь счастливой жизни трудно, ибо, чем быстрее старается человек до неё добраться, тем дальше от неё оказывается, если сбился с пути; ведь чем скорее бежишь в противоположную сторону, тем дальше будешь от цели. Итак, прежде всего, следует выяснить, что представляет собой предмет наших стремлений; затем поискать кратчайший путь к нему, и уже по дороге, если она окажется верной и прямой, прикинуть,

сколько нам нужно проходить в день и какое примерно расстояние отделяет нас от цели, которую сама природа сделала для нас столь желанной».

Вот одна из дорог, указанная философом: «Угождайте же телу лишь настолько, насколько нужно для поддержания его крепости, и такой образ жизни считайте единственно здоровым и целебным. Держите тело в строгости, чтобы оно не переставало повиноваться душе: пусть пища лишь утоляет голод, питьё – жажду, пусть одежда защищает тело от холода, а жилище – от всего ему грозящего. А возведено ли жилище из дёрна или из пёстрога заморского камня, разницы нет: знайте, под соломенной кровлей человеку не хуже, чем под золотой. Презирайте всё, что ненужный труд создаёт ради украшения или напоказ. Помните, что ничто, кроме души, недостойно восхищения, а для великой души всё меньше её».

Да, если бы Екатерине смолоду достался муж, достойный любви, в личной жизни всё могло бы сложиться иначе. В своих «Записках» она размышляла об этом: «Я очень бы любила своего нового супруга, если бы только он захотел или мог быть любезным; но у меня явилась жестокая для него мысль в самые первые дни моего замужества. Я сказала себе: если ты полюбишь этого человека, ты будешь несчастнейшим созданием на земле; по характеру, каков у тебя, ты пожелаешь взаимности; этот человек на тебя почти не смотрит, он говорит только о куклах или почти что так, и обращает больше внимания на всякую другую женщину, чем на тебя; ты

слишком горда, чтобы поднять шум из-за этого, следовательно, обуздывай себя, пожалуйста, насчёт нежностей к этому господину; думайте о самой себе, сударыня. Этот первый отпечаток, оттиснутый на сердце из воска, остался у меня, и эта мысль никогда не выходила из головы; но я остерегалась проронить слово о твёрдом решении, в котором я пребывала – никогда не любить безгранично того, кто не оплатит мне полной взаимностью. Но по закалу, какой имело моё сердце, оно принадлежало бы всецело и без оговорки мужу, который любил бы только меня, и с которым я не опасалась бы обид, каким подвергалась с данным супругом. Я всегда смотрела на ревность, сомнение и недоверие и на всё, что из них следует, как на величайшее несчастье, и была всегда убеждена, что от мужа зависит быть любимым своей женой, если у последней доброе сердце и мягкий нрав. Услужливость и хорошее общение мужа покорят её сердце».

Первая любовь Екатерины

Планы Елизаветы Петровны относительно наследника натолкнулись на совершенно неожиданное препятствие, связанное с состоянием здоровья Великого Князя, и как окончательно стало ясно, неспособностью его иметь детей.

Екатерина Вторая в «Чистосердечной исповеди», адресованной Г. А. Потёмкину, коснулась этого вопроса. Дело в том, что с момента бракосочетания, то есть с 21 августа 1745 года, Елизавета Петровна безуспешно прождала 9 лет, когда же молодая чета подарит наследника. Увы... Всё было тщетно.

Екатерина Алексеевна вспоминала в 1774 году: «Мария Чоглокова, видя что через девять лет обстоятельства остались те же каковы были до свадьбы, и быв от покойной Государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела; с одной стороны выбрали вдову Грот... а с другой Сергея Салтыкова и сего более по видимой его склонности и по уговору мамы, которую в том наставляла великая нужда и надобность».

«Чистосердечная исповедь» адресована избраннику, и поэтому Екатерина II деликатно, намёками касается щекотливого вопроса. В основном тексте «Записок...» она говорит о

предложениях и советах, делаемых ей, более прямо и откровенно.

Что означало выражение «по видимой его склонности»? Ответ можно найти в воспоминаниях, где Екатерина II подробно рассказывает о первом объяснении и о своём отношении к Салтыкову. Трудно сказать, почему клеветники всех мастей игнорируют то, что говорит сама Императрица, язык повествования которой значительно превосходит по всем литературным параметрам то, что вымучивают из себя многочисленные щелкопёры. Какая нужда изощряться в словесной эквилибристике, если обо всём достаточно ярко и внятно писала сама Екатерина II?

Справедливее обратиться к сказанному ею самой. Вот как повествовала Государыня о первом своём объяснении с человеком, которому судьба определила оставить заметный след в летописи Отечества Российского: «Во время одного из... концертов Сергей Салтыков дал мне понять, какая была причина его частых посещений. Я не сразу ему ответила; когда он снова стал говорить со мной о том же, я спросила его: на что же он надеется? Тогда он стал рисовать мне столь же пленительную, сколь полную страсти картину счастья, на какое он рассчитывал; я ему сказала:

– А ваша жена, на которой вы женились по страсти два года назад, в которую вы, говорят, влюблены и которая любит вас до безумия, – что она об этом скажет?

Тогда он стал мне говорить, что не всё то золото, что бле-

стит, и что он дорого расплачивается за миг ослепления.

Я приняла все меры, чтобы заставить его переменить эти мысли; я простодушно думала, что мне это удастся; мне было его жаль. К несчастью, я продолжала его слушать. Он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приёмов, какой дают большой свет и особенно Двор. Ему было 26 лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.